

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ *FOREIGN EXPERIENCE OF MODERNIZATION*

Постиндустриальный цивилизационный транзит: институциональный аспект

Ю.А.НИСНЕВИЧ *

* **НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич** – профессор, доктор политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: jnisnevich@hse.ru.

Статья посвящена исследованию институционального аспекта постиндустриального цивилизационного транзита – процесса перехода от индустриальной цивилизации на новую стадию цивилизационного развития. Показано, что нарастающая динамика постиндустриальных трансформаций уже не вписывается в статичную модель цивилизационного развития как поэтапного перехода на новую ступень общественного развития. Постиндустриальный транзит представляет собой динамичный процесс формирования коридора цивилизационного развития. Траектория развития государства располагается в этом коридоре, если она находится внутри связанных в единое целое граничных условий, образующих его гибкую оболочку. Определена система граничных условий, включающая ценностно-правовой, политико-управленческий, социально-экономический и информационно-коммуникационный компоненты. В коридоре постиндустриального цивилизационного развития траектории транзита демократических государств образуют единый поток, в котором разные государства двигаются с разными скоростями в зависимости от качества реализации демократических политических и государственных порядков. Траектории развития государств с правящими авторитарными режимами различного типа находятся за пределами этого коридора из-за их несоответствия ценностно-правовому и политико-управленческому компонентам его оболочки.

Ключевые слова: цивилизация, постиндустриальное развитие, транзит, коридор цивилизационного развития, политический режим.

DOI: 10.31857/S086904990008512-5

Цитирование: Нисневич Ю.А. (2020) Постиндустриальный цивилизационный транзит: институциональный аспект // Общественные науки и современность. № 1. С. 77–88. DOI: 10.31857/S086904990008512-5

Postindustrial Civilization Transit: Institutional Aspect

Yuliy A. NISNEVICH*

* **Yuliy A. Nisnevich** – Full professor, D.Sc. (Political Sci.), professor of the Department of Political Science, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya Str. Moscow, 101000. E-mail: jnisnevich@hse.ru.

Abstract. The paper is devoted to the study of an institutional aspect of postindustrial civilizational transit – the process of transition from an industrial civilization to a new stage of civilizational development. It demonstrates that the increasing dynamic of postindustrial transformations does not fit into the static model of civilizational development as a gradual transition to a new stage of social development. Postindustrial transit is a dynamic process of formation of the civilizational development corridor. The state's development trajectory is located in this corridor, if it is located within the bounded boundaries that form the flexible corridor cover. The author describes a system of such boundaries. It includes the value-legal, political-administrative, socio-economic and information-communication components. The trajectories of democratic states' transit form a united stream in the corridor of postindustrial civilizational development. Different states move at different speeds within this stream depending on the quality of democracy and efficiency of state order implementation. Development pathways of various authoritarian states are outside this corridor because of their inconsistency with the value-legal and political-administrative components.

Keywords: civilization, postindustrial development, transit, corridor of civilization development, political regime.

DOI: 10.31857/S086904990008512-5

Citation: Nisnevich Yu. A. (2020) Postindustrial Civilization Transit: Institutional Aspect *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 77–88. DOI: 10.31857/S086904990008512-5 (In Russ.).

В данном исследовании базовыми служат такие понятия, как “цивилизация” и “цивилизационный транзит”. В научной литературе существует множество как дефиниций понятия “цивилизация”, так и подходов к выработке таких дефиниций. Прежде всего следует отметить, что в статье не будет использоваться понятие “цивилизация” в достаточно распространенной в научной литературе парадигме, согласно которой цивилизация определяется культурой, сводится к ней, является синонимом понятия “культура”. Такое понимание цивилизации наиболее точно сформулировал французский историк Ф. Бродель, определивший цивилизацию как “культурное пространство... собрание культурных характеристик и феноменов” [Braudel 1980, pp. 77, 202].

С моей точки зрения, понятия “цивилизация” и “культура” различны и по содержанию, и по функциональности. Для целей предлагаемого исследования наиболее операциональным подходом к понятию “цивилизация” представляется подход технологического детерминизма, использованный американским социологом Л. Уайтом [White 1949]. Он полагал, что цивилизация детерминирована тремя компонентами: развитием техники, а точнее – и технологий (технико-технологический компонент), социальной организацией (политико-социальный компонент) и философией (идейно-ценностный компонент). При этом важно отметить еще одну причинно-следственную зависимость – смена технологической парадигмы, как правило, сопряжена с трансформациями инструментов управления социальными отношениями, и прежде всего управления государством [Гаман-Голутвина 2007].

Из изложенного логически можно заключить, что понятие “цивилизация” базируется на двух основаниях. Одно из них отражает “уровень, степень общественного развития”

[Большой... 2004, с. 1357], а другое – в широком смысле способ организации обществ, то есть “способ разрешения коренных противоречий человеческого существования: между мирской и сакральной сферой бытия, человеком и природой, индивидом и социумом, традиционной и инновационной сторонами культуры” [Цивилизационные... 1996, с. 28]. Таким образом, в моем понимании, цивилизация – это прежде всего понятие, охватывающее как стадию развития человеческих обществ, так и позиционирование человека в окружающем его мире, характерное для различных обществ и их групп. В этом втором качестве справедливым представляется утверждение, что “цивилизация конституируется своими основными понятиями, ценностями и институтами” [Хорос, Рашковский 2005, с. 12].

Под культурой, следуя определению российского правоведа С. Алексеева, будем понимать “объективированное выражение и аккумулятор творчества человечества, его материального и духовного богатства, накапливаемых обществом социальных ценностей” [Алексеев 2000, с. 19–20]. Иными словами, культура – это своеобразный накопитель, концентрирующий духовное наследие и ценности, вырабатываемые различными цивилизациями.

Переход от одной технико-технологической стадии развития к другой определяет сущность цивилизационного транзита как процесса перехода к новой стадии развития человеческой цивилизации. В истории человечества состоялось два таких транзита. Первым из них был переход от первобытного варварства к более сложным аграрным обществам, отличительной чертой социальной организации которых стало возникновение государства. Второй транзит происходил при переходе от аграрных обществ к индустриальным. В нынешнюю эпоху мы – очевидцы и участники третьего транзита, от индустриальных обществ к постиндустриальным. Как отмечает американский футуролог Э. Тоффлер, “вплоть до настоящего времени человечество пережило две огромных волны перемен, и каждая из них, в основном, уничтожала более ранние культуры или цивилизации и замещала их таким образом жизни, который был непостижим для людей, живших ранее. Первая волна перемен – сельскохозяйственная революция – потребовала тысячелетий, чтобы изжить саму себя. Вторая волна – рост промышленной цивилизации – заняла всего лишь 300 лет. Сегодня история обнаруживает еще большее ускорение, и вполне вероятно, что Третья волна пронесется через историю и завершится в течение нескольких десятилетий... Многое в этой возникающей цивилизации противоречит старой традиционной индустриальной цивилизации. Она является одновременно и высокотехнологичной, и антииндустриальной цивилизацией” [Тоффлер 2004, с. 230].

При этом следует обратить внимание на то, что переход общества к более высокой ступени технико-технологического развития обуславливает глубокие изменения его социальной организации, влияет на духовную жизнь социума, мировоззрение составляющих его индивидов. Однако связь эта носит сложный и нелинейный характер.

Динамическая модель постиндустриального цивилизационного развития

Минимальным институциональным локалитетом цивилизации служило и служит государство. На ранних стадиях развития человечества локализованные цивилизации совпадали с конкретными государственными образованиями. Так, первая из известных цивилизаций – шумерская – была локализована в 12 городах-государствах и множестве более мелких поселений в Южной Месопотамии, изначально имевших общий культовый центр, а затем, начиная приблизительно с третьего тысячелетия до нашей эры, объединенных под началом единого царя (<https://global.britannica.com/place/Sumer>). Аналогичным образом были локализованы в рамках соответствующих государственных образований цивилизации Древнего Египта, Древней Греции, Индии, Китая и другие вплоть до цивилизации инков в Южной

Америке, империя которых погибла после вторжения испанских конкистадоров в начале XVI в., а также Японии, раскрывшейся западному миру только в середине XVI в. после того, как ее берегов достигли португальские мореплаватели. Причина такого “цивилизационного изоляционизма” – в отсутствии необходимых для его преодоления транспортных и иных возможностей коммуникаций между государствами и народами.

Постепенно, по мере исторического развития, разделенные пока еще в пространстве цивилизации стали динамично развиваться “по горизонтали”, охватывая все больше и больше (в первую очередь – географически) соседствующих территорий и государств. И только индустриальная цивилизация, которая начала формироваться в Европе со второй половины XVIII в., приобрела в своем развитии уже вполне общепланетарный масштаб при сохранении отдельных государств в качестве доиндустриальных цивилизационных локалитетов.

Определяющее влияние на изменение процесса развития цивилизации и его динамики на современном этапе оказали такие феномены, как глобализация и постиндустриальная социально-технологическая революция. Феномен глобализации, порожденный качественно новыми транспортными и информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), определяет кардинальное изменение пространственного характера процесса цивилизационного развития. Первоначально термин “глобализация” возник как нейтральная характеристика процессов, связанных с глобальными последствиями технологической революции, как нейтральный экономический термин. Соответствующее такому подходу определение глобализации было предложено в 2000 г. американским специалистом по международным отношениям Ч. Дораном, который описал этот феномен как “взаимодействие информационной технологии и мировой экономики. Этот процесс можно характеризовать в плане интенсивности, глубины, объема и стоимости международных операций в информационном, финансовой, коммерческой, торговой и административной сферах во всемирном масштабе. Резкое увеличение масштаба этих операций в последнее десятилетие и повышение их уровня составляют наиболее поддающиеся измерению проявления процесса глобализации” (цит. по [Фукуяма 2007, с. 184]).

Сегодня, как пишет американский политолог З. Бжезинский, глобализация выражает уже “процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни – от культурной до криминальной, от финансовой до духовной”, а “концепция глобализации подразумевает, прежде всего и главным образом, преодоление социальной, политической и экономической активностью пространственных границ – так, что события, решения и действия, происходящие и принимаемые в одном регионе мира, могут иметь значение для индивидов и сообществ в отдаленных уголках земного шара” [Бжезинский 2006, с. 3, 9].

Процесс глобализации на постиндустриальном этапе существенным образом отличается от всего, имевшего место на предыдущих этапах, и характеризуется тем, что «из состояния “изолированных цивилизаций”, или просто международного сообщества государств, мир превратился в глобальную, внутренне взаимосвязанную систему» [Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон 2004, с. 58]. В условиях глобализации отдельное государство уже не может устойчиво развиваться как изолированный цивилизационный локалитет, даже когда всемерно стремится сохранить свою национально-историческую специфику. Развитие каждого государства тесно взаимосвязано с развитием всего их множества, всей постиндустриальной цивилизации как планетарной.

Формирование в результате социально-технологической революции новой технологической основы цивилизации обуславливает существенное ускорение исторического времени протекания политических, социальных, экономических и иных процессов трансформации всего спектра отношений в социуме. Нарастающая динамика постиндустриальных трансформаций уже не вписывается в статичную модель цивилизационного транзита как поэтапного перехода на новый уровень общественного развития.

Постиндустриальный транзит представляет собой динамичный процесс формирования коридора цивилизационного развития, в который в ходе транзита вписываются траектории развития отдельных государств, совпадающие в основополагающих трендах постиндустриального цивилизационного развития и образующие в этом смысле единый поток. Однако такие траектории не абсолютно идентичны в силу различий специфических для каждого государства связей и институционального строения социальных полей, нормативистики, политико-культурных стереотипов, технологий конкуренции и власти, способов политического обеспечения интеграции социума. Различия в статичной (ступенчатой) и динамической моделях развития цивилизации схематично отражено на рисунке 1.

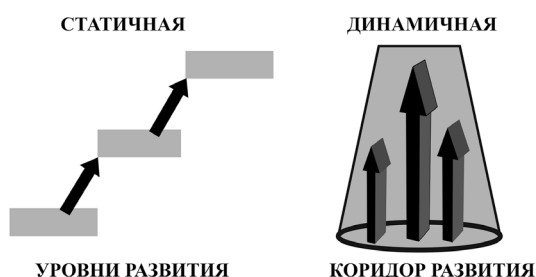

Рис. 1. Различия в моделях развития цивилизации.

Граничные условия коридора постиндустриального цивилизационного развития

Траектория развития государства располагается в указанном коридоре, если она находится внутри связанных в единое целое граничных условий, которые составляют ограничивающую коридор цивилизационного развития гибкую оболочку и служат ее компонентами. Оболочка коридора представляется гибкой, так как в процессе транзита возможны трансформации ее компонент, что требует соответствующей адаптации траекторий развития государств. Компоненты оболочки изначально определили институциональные следствия тех же политических и технологических феноменов XX в., которые обусловили и сам постиндустриальный цивилизационный транзит (о феноменах, предопределивших постиндустриальный цивилизационный транзит см. [Нисневич 2002]).

Важным следствием феномена “конец истории” [Фукуяма 2007] стало изменение концепта института государства. Для многих государств в реальной политике, а для некоторых – только в форме конституционных установлений, основополагающим стал отказ от этатистского отношения к институту государства как к высшему результату и цели общественного развития, переориентация в его предназначении на служение человеку и обществу на основе изменения сути публичной власти и, как следствие, целей и методов управления делами государства.

На концептуальном уровне современное государство определяется как политическая ассоциация людей, основанная на общественном договоре, в силу которого люди передают часть своей свободы и власти государству. В договорном государстве только его граждане являются источником власти и носителем суверенитета, они определяют степень и границы участия государства в регулировании социальных отношений, компетенцию и полномочия публичной власти в таком регулировании и наделяют ее органы необходимыми для этого правами и обязанностями. В таком государстве центральное место в системе публичной власти занимает орган народного представительства – парламент, выборы в который осуществляются на основании всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании.

Это не относится только к пяти сохранившимся до настоящего времени абсолютным монархиям (султанат Бруней-Даруссалам, королевство Саудовская Аравия, султанат Оман, эмират Катар и федерация семи эмиратов – Объединенные Арабские Эмираты), что составляет менее 3% от всех 193 суверенных государств – членов ООН. Хотя и в этих монархиях наблюдается тенденция к формированию органов власти представительного типа. Так, в ОАЭ в 2015 г. прошли третьи выборы в Федеральный национальный совет – совещательный орган парламентского типа с консультативными функциями, состоящий из 40 человек, половина из которых избирается прямым голосованием, а другая половина – назначается правителями семи эмиратов (<http://ria.ru/world/20151003/1295810008.html>).

Исходя из такой концептуализации, институт государства в процессе постиндустриального транзита начал трансформироваться в ограниченный правовыми рамками в полномочиях и действиях институт управления, предназначенный для обеспечения потребностей и интересов своих граждан, оказания им публичных услуг, создания комфортных и безопасных условий для их благополучной жизни. При этом в процессе постиндустриальных трансформаций институт государства асимптотически ориентируется на две взаимосвязанные модельные формы демократического государства – правовое государство и социальное государство.

В общем виде суть правового государства, идея которого зародилась еще в эпоху Античности с целью противодействия произволу власти и возможности ее узурпации, а теоретические концепции и политические практики постоянно совершенствовались и продолжают совершенствоваться в процессе развития человеческой цивилизации, можно определить следующим образом. В правовом государстве универсальным в смысле общности регулятором социальных отношений, ориентированным на стабилизацию всего социального пространства без выделения каких-либо индивидуальных или групповых приоритетов, выступает право, нейтральное и толерантное по отношению к различным мировоззрениям и убеждениям. Естественно, за исключением тех, которые провоцируют разжигание расовой, национальной, религиозной и социальной розни и вражды. При этом право оказывает определяющее воздействие и на такую самостоятельную сферу общественной жизни, как политика, которая, наряду с правом, также выступает универсальным в смысле общности регулятором общественных отношений, а именно – конкурентных отношений и взаимодействий индивидов и групп по поводу завоевания, удержания и использования публичной власти. Право накладывает ограничения на методы и приемы политической конкуренции.

Основополагающая обязанность правового государства определяется как соблюдение и защита главной социальной ценности человека, его прав и свобод – неотчуждаемых и непосредственно действующих. По состоянию на 2017 г. государствами, принявшими документы ООН о правах и свободах человека и гражданина, которые составляют основу международного права, из ее 193 членов 169 государств – участники Международного пакта о гражданских и политических правах (http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&lang=en) и 166 государств – Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=IV-3&chapter=4&lang=en). Таким образом, человек, его права и свободы признаются базовой социальной ценностью, по крайней мере, формально-юридически, а именно – в форме участия в соответствующих международных пактах подавляющим большинством (более 85%) суверенных государств – членов ООН.

В правовом государстве в качестве системообразующего в социальном регулировании, политическом и государственном управлении выступает такой демократический государственный порядок, как верховенство закона, но исключительно правового закона с учетом известного в юридической науке принципа несводимости права к закону [Нерсесянц 1983]. Модельная форма правового государства определяет прежде всего ценностно-правовой компонент оболочки коридора цивилизационного развития. Этот компонент представ-

ляет собой систему принципов жизнедеятельности человека, общества и государств, основанную на признании и соблюдении в соответствии с принципами и нормами международного права в качестве высшей социальной ценности человека, его прав и свобод и на приоритете права как универсального в смысле общности регулятора всего комплекса отношений в социуме и государстве.

Модальная форма правового государства представляет также набор демократических государственных порядков, в таких формах, как подотчетность публичной власти, верховенство закона и независимость судебной системы, которые в комплексе с набором политических порядков современной полиархической демократии [Даль 2000, с. 85] выражают политико-управленческий компонент оболочки коридора цивилизационного развития. Политико-управленческий компонент можно определить как демократическую политическую систему, способствующую на основе добросовестной и транспарентной политической конкуренции свободному и равноправному развитию граждан, свободному выбору ими путей развития общества и государства, формированию и деятельности публичной власти, призванной обеспечивать потребности и интересы граждан и создавать комфортные и безопасные условия для их благополучной жизни.

По данным американской неправительственной организации Дом Свободы (*Freedom House*) за 2017 г., 121 суверенное государство, то есть почти две трети от всех государств–членов ООН, соответствуют минимальным требованиям демократии, и оцениваются как электоральные демократии (<https://freedomhouse.org/report-types/freedom-world>). Электоральная демократия характеризуется наличием конкурентной многопартийной системы и всеобщего избирательного права, регулярным проведением свободных и честных выборов при тайном голосовании, открытостью избирательной кампании и доступностью для всех партий средств массовой информации.

Понятие “социальное государство” впервые было выдвинуто в середине XIX в. немецким правоведом и экономистом Л. Штейном [Кочеткова 2008]. В самом общем виде социальное государство можно определить как организацию государственных порядков, акцентировано направленную на обеспечение и защиту социальных прав – одной из основных групп прав человека.

Практический смысл социального государства в условиях постиндустриального развития состоит в обеспечении государством равных возможностей для самореализации каждого человека и гарантированных условий реализации каждым человеком его социальных прав, хотя бы на минимально достаточном уровне. В социальном государстве каждому гражданину гарантируются минимально необходимые условия для его достойного существования и достаточный уровень социальной безопасности, то есть защищенности от природных, техногенных, социальных и экономических изменений и катаклизмов, а также участие в управлении делами общества и государства, независимо от его материального положения и социального статуса.

Модель социального государства органично сопрягается в социально-правовом аспекте с правовым государством. Она служит фактором, определяющим, наряду с конкурентной рыночной экономикой, социально-экономический компонент оболочки коридора цивилизационного развития.

Еще одним фактором, определяющим социально-экономический компонент, служит глобализация, в результате которой “товары, капитал, люди, знания, связь и оружие, так же как и преступления, загрязняющие вещества, моды и верования, быстро пересекают территориальные границы” [Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон 2004, с. 58]. В процессе глобализации формируются не только открытый мировой экономический рынок, основанный на международном разделении труда, но и социальные процессы, которые приобретают трансграничный характер. Социально-экономический компонент можно

определить как социально-экономический уклад, основанный на соблюдении социальных и экономических прав и интересов граждан, праве частной собственности, экономической конкуренции на открытом мировом рынке товаров и услуг и интернационализации экономических отношений и социальных процессов.

Еще один компонент гибкой оболочки коридора цивилизационного развития, а именно – информационно-коммуникационный, определили институциональные следствия феномена “третья волна” [Тоффлер 2004] и непосредственно революционных изменений в сфере ИКТ, которые испанский социолог М. Кастельс интерпретирует как информационно-технологическую революцию [Кастельс 2000]. Интенсивное смещение человеческой активности в качественно новую информационно-коммуникационную среду, глобальная сетевая инфраструктура которой становится преобладающей формой самоорганизации и расширения такой активности на основе свободного массового обмена информацией и массовых коммуникаций, включая трансграничные, требуют адекватного ответа в поле политики.

Таким ответом служит еще одна модельная форма, на которую в процессе постиндустриальных трансформаций асимптотически ориентируется институт государства, – электронное государство. Его суть заключается в следующем. Во-первых, вся система органов власти государства и ее учреждений рассматривается как единая, восприимчивая и отзывчивая к общественным интересам организация, предназначенная в первую очередь для оказания публичных услуг гражданам и частному сектору экономики. Во-вторых, деятельность всей системы власти должна быть открытой и прозрачной для граждан, и органы власти всех уровней должны быть доступны каждому гражданину в любой момент времени и из любого места его нахождения. В-третьих, для повышения качества и эффективности функционирования государства деятельность системы публичной власти переносится в современную сетевую информационно-коммуникационную среду. Ключевое онтологическое свойство электронного государства – возможность интерактивного, в режиме реального времени общения каждого гражданина с властью, система и внутренняя организация которой обеспечивают такое общение в удобной для гражданина форме и в удобное для него время. При этом электронное государство следует рассматривать не просто как новое организационно-технологическое построение системы управления государством на основе внедрения новейших ИКТ, сетей и систем, а прежде всего как постиндустриальную философию управления делами государства.

Информационно-коммуникационный компонент можно определить как информационно-коммуникационную среду, в которой посредством сетевой инфокоммуникационной инфраструктуры обеспечивается свобода массового обмена информацией и массовых коммуникаций, включая трансграничные, и реализуется управление государством в целях защиты прав и интересов граждан, их привлечения к участию в процессе руководства и управления государством, реализации электронной демократии. Гибкая оболочка коридора постиндустриального цивилизационного развития и ее компоненты схематически изображены на рисунке 2.

Траектории постиндустриального транзита демократических государств образуют единый поток в коридоре цивилизационного развития, в котором разные государства движутся с разными скоростями. Передовую группу в этом потоке составляют государства с высоким качеством реализации механизмов и порядков всех компонент, определяющих коридор цивилизационного развития. За пределами этого коридора находятся некоторые электоральные демократии, у которых существенное торможение их постиндустриального развития определяется прежде всего низким качеством реализации политических и государственных порядков современной полиархической демократии, за исключением минимально необходимого порядка – свободные, честные и состязательные выборы.

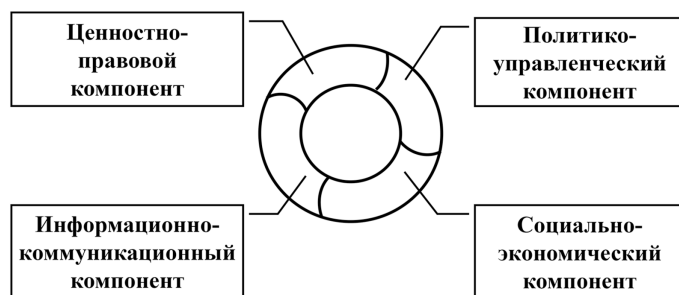

Рис.2. Компоненты гибкой оболочки постиндустриального цивилизационного развития.

Политический режим и постиндустриальное развитие государства

Правящий в таких государствах – режим “бесплодного плюрализма” автор этого понятия американский политолог Т. Карозерс характеризует следующим образом: “В странах, политическая жизнь которых отмечена синдромом бесплодного плюрализма (*feckless pluralism*), обычно существует некоторая политическая свобода, регулярно проводятся выборы и происходит чередование у власти действительно отличающихся друг от друга политических группировок. Несмотря на эти положительные признаки, демократия остается поверхностной и проблематичной. Политические элиты всех главных партий или группировок воспринимаются массовым сознанием как коррумпированные, неэффективные и эгоистичные, глубоко безразличные к судьбе страны. Чередуясь у власти, они только спекулируют на ее проблемах, не решая ни одной из них” [Карозерс 2003, с. 50]. Примерами электоральных демократий с правящими режимами “бесплодного плюрализма” могут служить Албания, Индонезия, Молдова, Парагвай, Румыния.

Траектории развития государств с правящими авторитарными режимами различного типа находятся за пределами коридора постиндустриального цивилизационного развития из-за их несоответствия в контексте практической реализации ценностно-правовому и политико-управленческому компонентам оболочки, ограничивающей этот коридор. Большинство представителей авторитарных элит понимают необходимость встраивания в постиндустриальный цивилизационный тренд, но при этом перед ними остро стоит вопрос сохранения власти. Поэтому такие режимы, скованные определенными ограничениями, обусловленными политическими факторами, стремятся реализовывать постиндустриальные нововведения преимущественно в экономической сфере и частично в информационно-коммуникационной. Причем в последней речь идет о тех нововведениях, которые обусловлены необходимостью внедрения современных технологий в экономические процессы, а также в сферу досуга и развлечений. При этом классические авторитарные режимы, например коммунистический режим в Китае, абсолютная монархия в Саудовской Аравии и постколониальная диктатура в Габоне, тщательно оберегают установленные ими идеологические и политико-управленческие порядки от каких-либо существенных трансформаций.

В этом контексте особое внимание исследователей привлекает специфика постиндустриального развития Китая. Еще недавно многие аналитики были склонны полагать, что развитие рыночной экономики в этой стране неизбежно повлечет за собой и скорую трансформацию ее политической и государственной системы. Однако этого не произошло: рыночные реформы продолжают углубляться, а государство и политическая система страны, стержнем которой является монополярная власть Коммунистической партии Китая (КПК), остаются без существенных изменений. Даже в политических

кругах США ныне признают, что попытка “переделать Китай на американский вкус” с помощью рыночных реформ и подъема благосостояния населения, по сути, провалилась [Campbell, Ratner 2018].

Рискну предположить, что такая ситуация с политической системой Китая может продолжаться достаточно длительное время в силу нескольких причин. В частности, Китай на протяжении всей своей долгой истории позиционировал себя в качестве самодостаточной державы, с подозрением и осторожностью, относившейся к любым влияниям извне. Лишь с движением тайпинов, восставших против правившей Цинской династии (середина XIX в.), начались попытки смыслового “встраивания” Китая в общецивилизационный процесс. В дальнейшем распространение и утверждение в стране коммунистической идеологии также обуславливалось стремлением многих ее интеллектуалов построить собственные каналы “входа” в общепланетарную цивилизацию. Но Китай, даже превратившись в начале нашего столетия в экономическую супердержаву, не проявил заинтересованности полностью расстаться со своими особенностями. В этом смысле симптоматичной остается формулировка одной из целей КПК: “построение социализма с китайской спецификой”.

В рамках китайской историко-политической традиции, сохраняющейся и в настоящее время, государство, а не личность и ее свободы занимает высшую позицию в иерархии ценностей. В официальной идеологии КПК “срединные ценности социализма” выстроены по принципу “сверху вниз” – от государства к обществу и далее к человеку. Причем главенствующее положение занимает богатое и сильное государство, а не свобода личности [Ломанов 2015]. Само же государство не подлежит институциональным изменениям, а в соответствии с конфуцианской традицией – “совершенствованию”. Иными словами, не меняются и его роль в обществе, и внутреннее строение, а в процессе исторического творчества оно “улучшается”, очищаясь от коррупции и переходя к решению новых задач.

Безусловно, конфуцианские традиции и государство-центричные ценности существуют и в других странах Тихоокеанской Азии. Но такие новые индустриальные государства этого региона, как Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Таиланд, совершившие стремительный рывок в своем развитии в последней трети XX в., достаточно успешно вписались в коридор постиндустриального цивилизационного развития. А в Китае указанные традиции и ценности тесно переплетаются с идеями самодостаточности китайской цивилизации, что, по-видимому, и объясняет особенности постиндустриального развития этой страны, по крайней мере, на ближайшую перспективу.

Здесь следует отметить, что многие государства исламского мира, проявляя интерес к использованию достижений постиндустриального развития в области экономики, науки и технологий, также хотели бы отгородиться от нововведений в сфере организации общественно-политической жизни. Лишь некоторые из мусульманских стран сумели воспроизвести – и то со значительными ограничениями – демократические политические системы (Турция, Малайзия, Индонезия).

Современные неавторитарные режимы, например в Армении, Никарагуа и Мозамбике, наоборот, для своего позиционирования в мировом сообществе активно имитируют ценностно-правовые и политико-управленческие порядки, соответствующие постиндустриальному транзиту. А такие авторитарные режимы, как правящие сегодня в Иране и Венесуэле и последний в мире тоталитарный режим в КНДР, для удержания в своих руках власти и мобилизации населения на их поддержку объявляют своей главной политической целью сохранение национального (традиционного, религиозного, политического) “цивилизационного локалитета”, противопоставляя его постиндустриальному цивилизационному транзиту, и уходят в самоизоляцию.

* * *

На основе представленного анализа институциональных параметров постиндустриального цивилизационного развития можно предположить, что траектории развития государств с правящими режимами всех авторитарных типов, не вписываясь в коридор постиндустриального цивилизационного развития, рано или поздно достигнут точки бифуркации, в которой тем или иным путем произойдет смена правящего политического режима и государства встанут на путь постиндустриального транзита. Это предположение может быть обосновано тем, что смена технологической в широком смысле данного понятия парадигмы (а именно это и происходит в процессе постиндустриального транзита) требует качественного изменения методов и механизмов политического и государственного управления, и, как писал Тоффлер, новая демократическая и гуманная цивилизация “требует новых, простых, эффективных и демократических правительств” [Тоффлер 2004, с. 34].

Однако следует признать и весомость аргументов специалистов, полагающих, что особый случай представляет политическая система современного Китая, основанная на монополии на власть КПК. Эта система отличается достаточной устойчивостью, и углубление рыночных реформ не ведет к ее интенсивному разрушению. Более того, овладение КПК современными компьютерными технологиями управления способствует в определенном смысле укреплению новой политической системы, которая получила название “цифровой ленинизм” [Борох, Ломанов 2018, с. 68]. Поэтому феномен Китая и особенности постиндустриального развития отдельных исламских государств позволяют некоторым специалистам предполагать, что характер постиндустриального развития цивилизации в теоретическом плане не столь предопределен и достаточно дискусионен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев С.С. (2000) Право на пороге нового тысячелетия. М.: Статут.
- Бжезинский Ж. (2006) Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения.
- Большой энциклопедический словарь (2004). СПб.: Норинт.
- Борох О., Ломанов А. (2018) Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // Мировая экономика и международные отношения. №3. С. 59–70.
- Гаман-Голутвина О.В. (2007) Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // ПОЛИС. № 4. С. 24–45.
- Даль Р. (2000) О демократии. М.: Аспект Пресс.
- Карозерс Т. (2003) Конец парадигмы транзита // Политическая наука. №2. С. 42–65.
- Кастельс М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ.
- Кочеткова Л. Н. (2008) Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. № 3. С. 69–79.
- Ломанов А.В. (2015) Общий знаменатель нации // Россия в глобальной политике. № 5. С. 138–152.
- Нерсесянц В. С. (1983) Право и закон. Из истории правовых учений. М.: Наука.
- Нисневич Ю. (2002) Российский транзит // Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее / Под общей редакцией С. Юшенкова. М.: Новый фактор, Минувшее. С. 247–260.
- Нисневич Ю.А. (2017) Современный авторитаризм и коррупция // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. №1. С. 108–120. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-1-108-120
- Тоффлер Э. (2004) Третья волна. М.: АСТ.
- Фукуяма Ф. (2007) Конец истории и последний человек. М.: АСТ.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. (2004) Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Практика.
- Хорос В.Г., Рашковский Е.Б. (2005) Мировые цивилизации и современность // Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам международной конференции. Отв. ред. С.И.Лунев, В.Г.Хорос. М.: ИМЭМО РАН.

Цивилизационные исследования. Сборник статей под ред. Б.И. Коваля (1996). М.: Институт Латинской Америки РАН.

Braudel F. (1980) *On History*. Chicago: Univ. of Chicago Press.

Campbell K.M., Ratner E. (2018) The China Reckoning. How Beijing Defined American Expectations // *Foreign Affairs* (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>).

White L. A. (1949) *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. New York: Grove Press.

REFERENCES

Alekseev S.S. (2000) *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya* [The law on the threshold of a new millennium]. Moscow: Statut.

Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [The Great Encyclopedic Dictionary] (2004) Moscow: Norint.

Borokh O., Lomanov A. (2018) Novaia epokha Kitaya: ot obogashcheniya k usileniyu [The new era of China: from enrichment to reinforcement]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp.59–70.

Braudel F. (1980) *On History*. Chicago: Univ. of Chicago Press.

Brzezinski Zb. (2006) *Iybor. Mirovoye gospodstvo ili global'noye liderstvo* [The choice. Global domination or global leadership]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.

Campbell K.M., Ratner E. (2018) The China Reckoning. How Beijing Defined American Expectations. *Foreign Affairs* (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>).

Carothers T. (2003) Konets paradigmy tranzita [The End of the Transit Paradigm]. *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 42–65.

Castells M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow: GU VShE.

Dahl R. (2000) *O demokratii* [On Democracy]. Moscow: Aspekt Press.

Fukuyama F. (2007) *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST.

Gaman-Golutvina O.V. (2007) Menyayushchayasya rol' gosudarstva v kontekste reform gosudarstvennogo upravleniya: otechestvenniy i zarubezhniy opyt [The Changing Role of the State in the Context of Public Administration Reforms: Domestic and Foreign Experience]. *POLIS*. no. 4, pp. 24–45.

Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. (2004) *Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura* [Global Transformations: Politics, Economics and Culture]. Moscow: Praksis.

Khoros V.G., Rashkovskii E.B. (2005) Mirovye tsivilizatsii i sovremennost' [The world civilizations and contemporaneity] *Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire* [The indian civilization in a globalizing world] / Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii [Materials of the international conference]. Chief eds. S.I. Lunev, V.G.Khoros. Moscow: IMEMO RAN.

Kochetkova L. N. (2008) Teoriya sotsial'nogo gosudarstva Lorentsa fon Shteyna [The Theory of the Social State of Lorenz von Stein] *Filosofiya i obshchestvo*, no. 3, pp. 69–79.

Lomanov A.V. (2015) Obshchiy znamenatel' natsii [The common denominator of the nation] *Rossiya v global'noy politike*, no. 5, pp. 138–152.

Nersesyants V. S. (1983) *Pravo i zakon. Iz istorii pravovykh ucheniy* [Law and Law. From the History of Legal Doctrines]. Moscow: Nauka.

Nisnevich Yu. (2002) Rossiyskiy tranzit [Russian Transit] *Postzapadnaya tsivilizatsiya. Liberalizm: proshloe, nastoyashchee i budushchee* [Post-West Civilization. Liberalism: Past, Present and Future] Chief ed. S.Yushenkov. Moscow: Novyi faktor, Minuvshee, pp. 247–260.

Nisnevich Yu.A. (2017) Sovremenniy avtoritarizm i korruptsiya [Modern Authoritarianism and Corruption]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 61, no. 1, pp. 108–120. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-108-120

Toffler A. (2004) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST.

Tsivilizatsionnye issledovaniya. Sbornik statey pod red. B.I. Kovalya (1996) [The civilizational research. Collection of articles. Ed. B.I.Koval]. Moscow: Institut Latinskoy Ameriki RAN.

White Leslie A. (1949) *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. New York: Grove Press.